

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Аленичева Я.С. Гендерные аспекты коллаборационизма на территории Локотского окружного самоуправления // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.76329 EDN: HLKXMI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76329

Гендерные аспекты коллаборационизма на территории Локотского окружного самоуправления

Аленичева Яна Сергеевна

аспирант; кафедра Отечественная история; ГАОУ ВО Ленинградской области "Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина"

196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, шоссе Петербургское, 10

✉ alenicheva.history@yandex.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.76329

EDN:

HLKXMI

Дата направления статьи в редакцию:

18-10-2025

Дата публикации:

30-10-2025

Аннотация: В статье анализируются формы, мотивы и социально-психологические особенности участия женщин в деятельности органов Локотского окружного самоуправления – крупнейшего коллаборационистского образования, функционировавшего на оккупированной территории СССР в 1941–1943 годах. Предметом исследования является вовлечение женщин в административные, хозяйствственные, санитарные и просветительские структуры местной власти, их профессиональные, семейные и бытовые роли, а также влияние женского труда на поддержание жизнеспособности оккупационного общества и устойчивости его социальных институтов. Работа основана на материалах фонда 2608 Государственного архива Брянской области, включающих приказы, распоряжения, переписку, ведомости, отчёты и личные заявления жителей, что позволяет детально реконструировать

реальные механизмы участия и адаптации женщин в условиях войны и оккупации. На основе микроисторического и гендерного анализа рассматриваются функциональные роли, которые женщины занимали в системе оккупационной власти, – от делопроизводственных и санитарных до образовательных и хозяйственных. Показано, что женское участие в системе самоуправления являлось не проявлением идеологической лояльности к оккупационной власти, а прежде всего вынужденной формой адаптации и выживания в условиях разрушенного социального и морального порядка. Женщины становились посредницами между административными структурами и населением, поддерживая функционирование санитарии, просвещения, снабжения, медицинской и бытовой инфраструктуры. Именно через их повседневный труд сохранялись элементарные формы социальной организации, создававшие «невидимый каркас» жизни оккупированного общества и позволявшие людям удерживать ощущение нормальности. В результате исследование выявляет женский коллаборационизм как сложный социально-психологический феномен, в котором переплетаются принуждение, трудовая необходимость, чувство долга и индивидуальные стратегии самосохранения. Работа восполняет существенный пробел в отечественной историографии и подчёркивает необходимость включения гендерного измерения в анализ опыта войны и оккупации.

Ключевые слова:

женский коллаборационизм, Великая Отечественная война, немецкая оккупация, гендерная история, повседневность, адаптация, Локотское самоуправление, сотрудничество с немцами, Вторая Мировая война, СССР в войне

Вопрос о коллаборационизме на территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны остаётся одной из наиболее дискуссионных тем отечественной историографии. На протяжении десятилетий советская историческая наука и литература избегали его открытого обсуждения, поскольку «он не вписывался в официальную историю великой победы советского народа» [4]. Только, начиная с 1990-х годов, начали появляться исследования, в которых явление коллаборационизма стало рассматриваться с разных, порой противоположных позиций [2; 7; 8; 10; 12; 13]. Однако в этих работах внимание преимущественно сосредотачивалось на политических, военных и административных формах сотрудничества с оккупантами, тогда как гендерный аспект долгое время оставался вне поля научного анализа.

Женский опыт в условиях оккупации традиционно интерпретировался сквозь призму жертвенности, насилия и бытового выживания. Женщина рассматривалась, прежде всего, как объект страдания, но не как субъект действия. Такая установка исключала возможность анализа её активной роли – в хозяйственных, санитарных, образовательных и административных сферах, где она часто выступала связующим звеном между населением и властью. Только в исследованиях последнего десятилетия началась попытка переосмыслить этот опыт и рассмотреть женский коллаборационизм как самостоятельное социальное и психологическое явление [17].

Современные гендерные подходы, применяемые в историографии Европы и постсоветского пространства, позволяют по-новому взглянуть на участие женщин в структурах оккупационных режимов. Работы показывают, что женщины могли не только подвергаться принуждению, но и становиться частью механизмов легитимации власти –

через труд, просвещение, санитарные инициативы, культурную и пропагандистскую деятельность [Там же]. В публикациях оккупационной прессы именно «женские рубрики» часто служили инструментом адаптации традиционных гендерных ролей к целям германской пропаганды [7]. Однако российская историография по-прежнему не располагает системными региональными исследованиями, где бы на конкретных примерах прослеживались формы и мотивы женского участия в оккупационных структурах.

Особое значение в этом контексте приобретает пример Локотского окружного самоуправления — уникального административного эксперимента, действовавшего на юго-западных территориях РСФСР в 1941–1943 годах. Локотское самоуправление, созданное при поддержке немецких военных властей, обладало широкой автономией в вопросах управления, юстиции, пропаганды и хозяйственной жизни. Его структура включала значительное число женщин, занятых в делопроизводстве, санитарных службах, образовании, торговле и снабжении. Документы местных органов власти, хранящиеся в Государственном архиве Брянской области [5], позволяют выявить реальные масштабы и направления их участия, реконструировать конкретные биографические ситуации и осмыслить женский опыт как часть социальной динамики оккупационного общества.

Целью настоящего исследования является анализ гендерных аспектов коллаборационизма на территории Локотского окружного самоуправления в 1941–1943 годах на основе архивных источников и современных междисциплинарных подходов. Среди задач — выявление социальных и психологических мотивов участия женщин в структурах самоуправления, определение функциональных ролей, которые они занимали в системе власти и хозяйства, а также реконструкция их адаптационных стратегий в условиях оккупации. Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка рассмотреть женский коллаборационизм в Локотском округе как сложный социально-психологический феномен, объединяющий элементы принуждения, труда, заботы и адаптации, и ввести в научный оборот корпус ранее не публиковавшихся документов фонда 2608 Государственного архива Брянской области.

Тем самым исследование расширяет представление о феномене коллаборационизма, демонстрируя его внутреннюю дифференциацию по гендерному признаку и включая женскую перспективу в более широкий контекст истории оккупационного режима на юго-западных территориях Советского Союза.

Архивные материалы Брасовской волости дают возможность рассмотреть участие женщин в деятельности Локотского окружного самоуправления не как периферийное явление, а как важный элемент повседневного функционирования оккупационного общества. Женщины здесь выполняли не только традиционные хозяйствственные обязанности, но и занимали реальные позиции в административной, санитарной и профессиональной структурах власти, что позволяет говорить о сложной системе гендерных ролей, складывавшейся в условиях войны и социального распада.

В повседневной жизни оккупации женщина оказывалась одновременно и объектом заботы, и носителем ответственности. Волостные приказы фиксируют случаи, когда именно женщинам поручалось устройство сирот и ведение домашнего хозяйства в отсутствие мужчин. Так, Клюнковой Евгении Семёновне официально доверили воспитание ребёнка мобилизованной женщины, выделив для этого натуральное довольствие в виде ржи и дров [5, л.91]. Это решение не столько акт милосердия, сколько

форма перераспределения обязанностей по уходу в сообществе, где государство существовало лишь в виде старости и подписи под приказом. Женщина становилась опорой социальной системы, принимая на себя функции государства — опекунские, хозяйствственные и воспитательные.

Та же логика прослеживается в многочисленных заявлениях и прошениях, где женщины обращаются к властям с просьбой о помощи, работе или защите. Заявление Ефросинии Токаревой о потере коровы и лошади, якобы угнанных партизанами, отражает типичный мотив — стремление не к привилегии, а к минимальной устойчивости семьи. Образ женщины в этих документах — не пассивная жертва, а человек, действующий в административном пространстве, способный формулировать просьбу, аргументировать и добиваться решения. В случае жалобы «жён бойцов» на отказ в выделении сенокоса [\[5, Л.50\]](#) именно обращение женщин становится причиной наказания местного старосты. Власть, пусть ограниченно, откликалась на их заявления, превращая жалобу в форму участия в управлении.

На более структурном уровне женский труд поддерживал работу всего местного аппарата. Приказы фиксируют многочисленные назначения на должности уборщиц, делопроизводительниц, бухгалтеров, заведующих складами и аптекой. Эти посты не предполагали идеологического участия, но обеспечивали стабильность административной машины — бухгалтерский учёт, санитарную чистоту, хранение медикаментов и продовольствия. В назначении Васильевой заведующей аптекой [\[5, Л.130\]](#) или Шерманкиной заведующей складом [\[5, Л.162\]](#) отражается доверие к их компетенции и опытности. Женщины заполняли кадровые пробелы, образовавшиеся после мобилизации мужчин, и брали на себя материальную ответственность — иногда с риском для себя, как показывает случай помощницы бухгалтера Степановой, уволенной «за недостачу в кассе» [\[5, Л.138\]](#). Эти эпизоды демонстрируют постепенное «институциональное взросление» женского труда: от уборки и кухонной работы к позициям, требующим отчётности, доверия и профессиональных навыков.

Особое место занимала санитарная и медицинская сфера. В период эпидемий тифа женский труд становился жизненно необходимым. В распоряжениях встречаются десятки имён сиделок и санитарок — Березня, Грачева, Карповская, Черняева [\[5, Л.22; Л.25\]](#). Их работа оплачивается, регламентируется приказами, сопровождается строгими предписаниями по санитарии: очистка улиц, ремонт бань, контроль за чистотой жилищ [\[5, Л.136\]](#). Таким образом, забота превращалась в административную категорию, а женская сфера — в основу биополитики оккупационного режима. На уровне переживаний этот труд был не только физическим, но и психологическим испытанием: ухаживать за больными в бараках означало ежедневно сталкиваться с тифом, смертью, отчаянием.

Ещё одно измерение женского участия связано с профессиональной самореализацией. Встречаются примеры, выходящие за рамки бытовых ролей. Землестроитель Еременко Екатерина Карниловна, окончившая Одесский сельскохозяйственный институт, подала прошение о приёме в волостной землестроительный отдел, а вскоре была назначена заведующей геокамерой [\[5, Л.126\]](#). Появление женщин-инженеров в Локотском округе — уникальный случай для оккупированных территорий, свидетельствующий о сохранении профессиональной идентичности и стремлении использовать свои навыки даже в условиях чужой власти. Похожим образом учительницы, такие как Карповская и Азарова, совмещали педагогическую и переводческую деятельность, выполняя функции посредников между немецкими структурами и местным населением [\[5, Л.157; Л.194-196\]](#). За

внешней лояльностью здесь скрывался мотив адаптации: сохранить профессию и тем самым — себя.

Но труд и профессиональная мобильность имели и другую сторону — постоянный контроль, подозрение и зависимость. Учёт имущества, транспортных средств, поставок превращал женщину в объект мелкого административного давления. В делах о регистрации велосипедов [\[5, л.46\]](#) и реквизициях имущества [\[5, л.111\]](#) речь идёт не только о дисциплине, но и о лишении инструментов передвижения, необходимых для работы. Аналогично в делах о молокопоставках женщины оказываются между необходимостью кормить детей и угрозой штрафа за «недосдачу» [\[5, л.187-191\]](#). Проверки сопровождались слухами и доносами, и контроль над женской домашней экономикой становился формой морального надзора.

Несмотря на административное давление, женщины продолжали искать возможности легализовать своё положение. В архивах сохранились десятки заявлений о приёме на работу, где просительницы — Чичерина, Вдовенкова, Алексашкина, Халименкова, Лукьянова — аргументируют свои просьбы необходимостью прокормить семью, воспитывать детей, «проживать без пищи невозможно» [\[5, л.172; л.179; л.207\]](#). Эти документы фиксируют одновременно экономическую нужду и чувство достоинства: почти каждое заявление написано в официально-деловом стиле, с точным указанием дат и должностей. Даже отпускные прошения («Работаю с 12/XII 41 г.... прошу дать отпуск», [\[5, л.213\]](#)) показывают, что женщины стремились действовать в рамках законности, поддерживая иллюзию нормального трудового порядка посреди хаоса войны.

За каждой биографией стоит своя мотивация. Одни женщины участвовали в самоуправлении из-за страха и необходимости содержать детей; другие — из профессионального интереса, стремления сохранить статус, обрести хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне. Были и те, кто воспринимал сотрудничество как вынужденный компромисс ради безопасности семьи. Гендерный анализ показывает: коллаборационизм женщин в Локотском округе не сводился к идеологическому выбору. Он был, прежде всего, социально-психологической стратегией выживания, где за каждым решением стояла не вера в «новый порядок», а попытка удержать нормальность, работу, дом, детей.

Женский опыт в Локотском округе разрушает бинарное противопоставление «жертвы» и «сотрудницы». Женщины выступали одновременно агентами заботы, элементами местной бюрократии и хранительницами быта, на которых держалась жизнь оккупированного села. Их участие в структурах самоуправления сочетало труд, страх, лояльность и сопротивление. И если мужской коллаборационизм чаще принимал форму службы с оружием или управления, то женский — форму труда, ухода и адаптации.

Архивные документы Брасовской волости открывают не только факты, но и эмоции, скрытые между строк — усталость, желание сохранить привычное, попытку обрести хоть какую-то защиту в мире, где не осталось надёжных ориентиров. В этих историях проявляется главное: женщина в оккупации — не статист и не фон, а активный участник истории, чьи решения и сомнения становятся ключом к пониманию самой природы человеческого поведения в условиях тотального насилия.

Документы фондов Государственного архива Брянской области [\[5\]](#) показывают, что оккупационная власть и местные органы Локотского самоуправления осознанно использовали женский труд как инструмент стабилизации тыла и поддержания

жизнеспособности повседневной инфраструктуры. Женщины активно включались в административные, санитарные, хозяйственные и просветительские практики, выполняли распоряжения, направленные на поддержание порядка, снабжения и санитарии, участвовали в учётных и образовательных процессах. Эти формы вовлечения редко имели добровольный характер: в большинстве случаев они продиктованы необходимостью сохранить семью, жильё и минимальные условия существования.

В гендерном измерении коллаборационизм в Локотском округе проявился как комплекс социальных стратегий, где границы между выживанием, служебной обязанностью и вынужденным сотрудничеством оставались подвижными. Женщины оказывались посредницами между административным аппаратом и населением — в сфере санитарного контроля, школьного обучения, снабжения, торговли, делопроизводства. Их деятельность имела амбивалентный статус: формально лояльная по отношению к оккупационной власти, она фактически обеспечивала поддержание базовых структур жизни общества в условиях разрушенного государственного механизма.

Поставленные в исследовании задачи получили комплексное решение на основе анализа источников. Во-первых, выявлены социальные и психологические мотивы участия женщин в структурах оккупационной администрации. Материалы дела демонстрируют, что ключевыми побудительными факторами были экономическое выживание, стремление защитить детей и престарелых родственников, а также желание сохранить ощущение стабильности и полезности в разрушенном социальном порядке. Принятие должности уборщицы, делопроизводительницы, медсестры или переводчицы воспринималось как способ выжить и сохранить смысл повседневности, а не как форма сознательного сотрудничества с врагом.

Во-вторых, анализ документов позволил определить функциональные роли женщин в системе Локотского самоуправления. Они занимали позиции делопроизводительниц, бухгалтеров, заведующих складами и аптекой, санитарных уполномоченных, сиделок и медсестёр, переводчиц и учительниц, а также землеустроительниц и технических специалистов. Этот спектр показывает, что женский труд обеспечивал функционирование ключевых направлений местной администрации — документооборота, санитарии, просвещения, здравоохранения и снабжения.

В-третьих, проведённое исследование выявило особую психологическую специфику женского участия в оккупационной системе. За внешней лояльностью часто скрывались адаптационные стратегии — стремление сохранить профессию, избежать насилия, легализовать своё положение или просто выжить. Женщины часто обращались в администрацию не из убеждения, а из безысходности, пытаясь найти работу и продовольственную помощь. Их деятельность трудно оценивать в категориях «добровольного сотрудничества» или «сопротивления» — она скорее отражала попытку удержаться на границе дозволенного, не разрушая собственного морального мира.

Наконец, документы показывают, что именно женский труд создавал невидимую, но структурно значимую основу повседневной жизни оккупационного общества. Без сиделок и санитарок не могли функционировать больницы; без делопроизводительниц и уборщиц — волостные управления; без учительниц — школы, где сохранялась хотя бы видимость нормальности. Через их работу власть воспроизводила минимальный порядок, а общество — возможность существования.

Проведённый количественный анализ корпуса документов фонда [\[5\]](#) дополняет качественные наблюдения. В приказах, ведомостях, заявлениях и актах проверок

зарегистрировано 293 человека, вовлечённых в работу Брасовской волостной управы и подведомственных ей учреждений; из них около 23 % (67 чел.) — женщины, что указывает на заметное, хотя и второстепенное, присутствие женского труда в административно-хозяйственном механизме самоуправления. Распределение женских позиций по сферам выглядит так: административно-технический аппарат — 32 %; медицинская и санитарная сфера — 13 %; социально-бытовой сектор — 27 %; образование и просвещение — 7 %; заявительницы и частные лица по вопросам пособий, снабжения или трудоустройства — 21 %. Для сравнения, мужские кадры (77 %) концентрировались преимущественно в полицейских, хозяйственно-ремонтных, транспортных и снабженческих подразделениях. В сумме женский труд составлял около четверти кадрового потенциала волостной администрации и при этом сосредоточивался в низкооплачиваемых и обслуживающих должностях; однако именно через эти звенья поддерживались санитария, снабжение, документооборот и просвещение.

Таким образом, женский коллаборационизм в Локотском округе предстает не как единое явление, а как сложный социально-психологический феномен, включающий принуждение, адаптацию и индивидуальные стратегии выживания. Женщины действовали на стыке личного и общественного, между долгом и страхом, между заботой и подчинением. Их опыт показывает, что система самоуправления существовала не только благодаря административным и военным структурам, но прежде всего — за счёт женского труда, поддерживавшего ритм жизни на захваченной территории. Рассмотрение этого опыта позволяет выйти за рамки дилеммы «предательства» и «лояльности» и увидеть в повседневных женских практиках отражение более общей проблемы — того, как человек ищет формы человеческого существования внутри пространства войны и насилия.

Библиография

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Будницкий О. В. Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне. – М.: РОССПЭН, 2018. – 514 с.
3. Будницкий О. В. Свершилось! Пришли немцы. Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Rulit. URL: <https://www.rulit.me/books/mys-strahov-ip-read-415171-1.html>.
4. Булыга О. В. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в советской и российской историографии // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2018. – № 6. – С. 97-110. EDN: ZBKEEH
5. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Материалы о деятельности гражданских и санитарных учреждениях Локотского округа (1942–1943 гг.).
6. Герасёв И. Ю. Петрозаводск. Сентябрь 1941 года. – Петрозаводск: Петропресс, 2023. – 224 с.
7. Грибков И. Журнальная измена: русские коллаборационистские журналы на оккупированной территории СССР // Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма. – 2020. URL: <https://www.academia.edu/43849815>

8. Дробязко С. И. Коллаборационизм в СССР: формы и масштабы. – М.: Вече, 2010. – 480 с.
9. Ермолов И. Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история. – Тверь, 2005. – 279 с. EDN: NNHDRL
10. Ермолов И. Г. Три года без Сталина. Оккупация 1941–1944. – М.: Центрполиграф, 2010. – 383 с. – EDN: QPOTGJ.
11. Иващенко А. С. Дискуссионные вопросы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в отечественной историографии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – № 3. – С. 45-58.
12. Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn03/index.html.
13. Кринько Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. – 2004. – № 11. – С. 157-167.
14. Миллер А. И. Историческая политика в XXI веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.
15. Молодова И. Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история. – Брянск, 2010. – 263 с. EDN: ZOBWIT.
16. Осьмачко С. Г. Советский коллаборационизм (1941–1945 гг.): актуальность дефиниции и социокультурный дискурс // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 2 (24). – С. 156-161.
17. Пушкаренко Е. А. Белорусский женский коллаборационизм как инструмент немецкой пропаганды в годы Второй мировой войны // История: факты и символы. – 2022. – № 2 (31).
18. Словински К. Историческая политика партии "Право и справедливость" // Современная Европа. – 2020. – № 1. – С. 102-112. DOI: 10.15211/soveurope12020102112 EDN: PKKYNW
19. Хисамутдинова Р. Р. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в современной российской историографии и зарубежной литературе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2013. – № 3 (7). – С. 117-125. EDN: RBESJP

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора